

Су Цюн немного заколебался, затем развернулся и направился к своим товарищам.

Сяо Цзян также прошел мимо них и вошел в свою спальню, лишь затем отправив сообщение Бань Цзюню:

— Как обстоят дела?

Он бросил телефон на стол, но едва успел наполнить бокал вином, как зазвонил его телефон.

Бань Цзюнь предложил лично доложить о ситуации, предложив приехать.

— Хорошо, — ответил Сяо Цзян, после чего, немного подумав, добавил:

— Может, сначала прими душ, а потом приезжай. Или приезжай и прими душ здесь.

Когда Бань Цзюнь прибыл в виллу, он, едва переступив порог, обнял Сяо Цзяна.

Он даже не успел проверить, есть ли в доме охрана, как прижал Сяо Цзяна к двери и начал целовать.

Сяо Цзян уже успел принять душ, и от него все еще исходил аромат геля для душа. Он был одет в свободный халат, который при прикосновении казался скользким. Бань Цзюнь крепко обхватил его за талию, яростно кусая его губы.

Сяо Цзян поспешно прикрыл его рот рукой, сказав:

— Подожди, ты еще не рассказал мне...

— Босс Сяо, я знаю, что вы уже не можете ждать, — прервал его Бань Цзюнь, убирая его руку.

— Могу лишь сказать, что там все идет хорошо. Остальные детали мы обсудим после того, как я решу вашу насущную проблему.

Сяо Цзян усмехнулся, и их губы снова встретились.

Они целовались с жадностью, словно давно разлученные влюбленные.

Бань Цзюнь тоже успел принять душ, и его волосы все еще были слегка влажными. Сяо Цзян с наслаждением вдыхал аромат его волос и шеи, постепенно продвигаясь из гостиной в спальню.

Они упали на кровать, торопясь снять с друг друга одежду.

Когда наконец расстегнули ремень и их груди соприкоснулись, а Бань Цзюнь взял в руку член Сяо Цзяна, тот слегка нахмурился и с облегчением вздохнул.

Сяо Цзян вынужден был признать, что присутствие Бань Цзюня рядом отвлекало его. Каждый день, видя его перед собой, он не мог удержаться от взглядов на его натянутую рубашку. Вэнь Юн действительно сделал правильный подарок, хотя Сяо Цзян даже не верил, что это был осознанный выбор. Скорее всего, это была случайность, ведь даже он сам не подозревал, насколько сильно жаждет агрессии и ласк Бань Цзюня.

Боль от прошлого раза все еще была свежа в памяти, но Сяо Цзян уже нетерпеливо срывал ремень с Бань Цзюня. Пряжка громко ударилась о край кровати, и он, перевернувшись, прижал Бань Цзюня к постели.

Он жадно облизывал и кусал кожу Бань Цзюня, чей темный оттенок, более глубокий, чем у людей Усяо, напоминал неизведанную территорию, пробуждая в Сяо Цзяне воспоминания о Северных Равнинах и желание исследовать и завоевывать.

Это была фантазия, которую он лелеял бесчисленное количество ночей, когда рука опускалась в штаны. Каждый раз, когда его член набухал до невыносимости, он лишь большим пальцем стирал выступившую влагу. Тепло, исходящее от бедер Бань Цзюня, позволяло почувствовать его толщину и твердость. Он хотел изменить вкус прошлого, наполненного пороховым дымом, сделать сухой воздух густым и влажным.

Он бесчисленное количество раз представлял, каково это — почувствовать этот член в своей заднице. В ту ночь, под влиянием алкоголя и с легкой долей грубости, его живот чуть не разорвался от напряжения. Но его руки лишь осторожно обхватывали спину Бань Цзюня, позволяя страсти оставаться скрытой под покровом ночи.

Потрескавшиеся губы оставляли следы на его коже, и на следующий день ему пришлось поднять воротник, чтобы скрыть следы укусов и поцелуев. Но обжигающее дыхание все равно оставило на нем отпечаток, а грубые прикосновения ладоней заставляли сердце биться чаще. Боль и желание сплетались воедино, превращаясь в пот, и каждый раз, вспоминая это, он чувствовал себя одновременно неудержимым и виноватым.

Поэтому он ускорял движения, стараясь сдержать все свои фантазии до момента оргазма.

Липкость на бедрах перешла на простыни, а угасающая страсть лишь усиливала тоску по молодому телу.

Однако другой голос шептал ему, что, возможно, он больше никогда не увидит этого человека. Ведь это он первым бросил, это он предал его ожидания.

Уже смазанная задница позволила Сяо Цзяну без труда принять член Бань Цзюня. Боль от проникновения сменилась чувством наполненности. Сяо Цзян крепко сжал его плечи,

медленно впуская весь член внутрь себя.

Влажная и теплая плоть сжала ствол члена Бань Цзюня, заставляя его, несмотря на удерживание, резко поднять бедра. Он схватил Сяо Цзяна за руку, потянув вниз, продолжая выпрашивать его слюну, слушая, как Сяо Цзян, сжимаясь, приспосабливается к его размеру, шепча:

— Ты так хорошо пахнешь, Бань Цзюнь, так хорошо.

Его пальцы беспорядочно скользили по шее и щекам Бань Цзюня, кровь кипела в жилах, жар, казалось, мог прожечь кожу, и даже Бань Цзюнь чувствовал этот жгучий огонь.

Бань Цзюнь вовремя уперся в его грудь, слегка шлепнув по ягодицам.

Сяо Цзян начал активно двигаться, выгибая спину, не желая прекращать вдыхать аромат Бань Цзюня, но, словно не насыщаясь, позволял члену тереться внутри себя.

Изогнутый член легко нашел приятное место внутри, но скрытая в боли от растяжения приятная слабость не могла сравниться с психологическим удовольствием от осознания, что Бань Цзюнь вошел в него. Желание, словно прорвавшаяся плотина, заставило Сяо Цзяна забыть о своем собственном члене, позволяя ему лишь слегка тереться о тела друг друга, выпрашивая ласки.

Бань Цзюнь получал огромное удовлетворение от активного участия Сяо Цзяна, но по мере нарастания удовольствия в животе он больше не хотел оставаться пассивным. Схватив Сяо Цзяна за талию, он резко увеличил силу рук, прижав его к мягкому одеялу.

Сяо Цзян слегка застонал от боли, открыв глаза и глядя на Бань Цзюня.

Бань Цзюнь не спешил двигаться, внимательно рассматривая свою добычу. Он провел пальцами по густым бровям, морщинистым щекам, изогнутому носу и аккуратно подстриженной щетине.

Время скрыло многое, но не смогло скрыть эмоций, которые таились в его взгляде.

Беспомощность, ностальгия, нежелание отпускать, но при этом жестокость.

Глаза были слегка покрасневшими, а годы сделали взгляд мутным. Понимая, что его внешность уже не так привлекательна, как в молодости, Сяо Цзян снова закрыл глаза. Он схватил запястье Бань Цзюня, поднес его к губам. Он целовал линии на ладони, отпечатки пальцев, густые волосы на руке, грубые мозоли и кожу.

Затем он взял его палец в рот, слюна смачивая суставы.

Бань Цзюнь наклонился, медленно вынув член, затем резко вогнав его обратно, глубоко войдя внутрь, и, удерживаясь там, начал облизывать ухо Сяо Цзяна.

Он сказал:

— Босс Сяо, все твои мольбы — это пустая болтовня.

Потому что ты так сильно жаждешь меня. Твой взгляд, твоё тело, твоё сжатая задница и твой влажный член — все это выдает тебя.

Я уверен, ты тоже думал обо мне.

Ты думал обо мне больше двадцати лет, но так и не пришел за мной. Кто я для тебя? Твоя фантазия, твоё молодость, твоё жесткость, когда ты дал мне надежду, а потом растоптал её? Или твоё редкая мягкость и давно высохшие слезы?

А я искал тебя больше двадцати лет. Даже если ты тогда обещал забрать меня, но бросил. Даже если ты вошел в палатку, уговорил вождя забрать одного ребенка, а сам тихо сел в военный грузовик.

Я стоял на коленях у твоих ног, умоляя. Ты обнял меня, сказал, что тоже не хочешь меня оставлять, что заберешь меня, даже если не сможешь сейчас, что вернешься за мной, если я выживу, если пройду сквозь пули.

Ты заберешь меня в Усяо, в то место, о котором рассказывал, наполненное туманом и ароматом цветов, в твой дом, в парки и школы, о которых ты так часто упоминал, в порт, всегда полный жизни, и в старые улочки, заполненные людьми.

Армия Усяо отступила, Река Черных Скал была полностью захвачена Юнцзэ, но война закончилась, и люди Юнцзэ ушли.

Но ты так и не вернулся.

— Сяо Цзян, — сжав его щеку, заставив смотреть на себя, холодным тоном тихо произнес Бань Цзюнь, — ты помнишь меня, братец-солдат?

Бесчисленные военные грузовики покинули Реку Черных Скал.

Маленький Вожак выбежал из палатки, гонясь за выхлопами машин.

Его тело все еще хранило тепло объятий брата-солдата. Он не понимал, почему тот ушел.

<http://bllate.org/book/15264/1347063>